

Еще до того, как Сим и Сил: братья света воспользовались ЭТОЙ возможностью, чтобы сиять в то утро, облака безраздельно царили в небе над городом Канром. Затмевая благословение братьев, густые серые тучи заполнили не только небо, но и улицы Великой столицы страны Канром. Лишь горстка душ, однако, осознала этот мутный свет, поскольку это был Сурра'а, день отдыха и умственной подготовки к Саб'Ат, день преданности и поклонения единственной истинной богине Говии, Дураане.

Она шла одна, опутив голову; капюшон серого плаща закрывал ее лицо, когда она проходила мимо тех немногих, кто отважился покинуть свои дома. Хотя она знала людей, мимо которых проходила, она не обращала на них внимания. У нее самой больше не было места в голове для размышлений.

Накануне вечером она прилетела из Сидроски, столицы Говийской империи. Жители Говии называли его резиденцией Спасителя, так как здесь жил их император, сын богини Дурааны. Ей было комфортно находиться в Канром-Сити по официальным делам, хотя ее разум и путь, который она выбрала, привели ее к решению очень личного вопроса.

Она не видела его вне своих кошмаров с тех пор, как расцвела много лет назад. Это был последний раз, когда он проявлял к ней интерес. Во время их отношений она чувствовала себя польщенной и любимой вниманием такого уважаемого и влиятельного человека. Однако, повзрослев и став взрослой, она обнаружила, какое реальное и ужасное влияние он на нее оказал. Осознание того, что она всего лишь игрушка, заставило ее поверить, что человек, которого она когда-то любила, был злым человеком, который использовал свою внешнюю оболочку не более чем для удовлетворения своих болезненных желаний.

Проезжавшая мимо машина всколыхнула воздух вокруг нее и откинула плащ, обнажив обнаженное плечо. Она закрыла плащ одной рукой с острыми ногтями, остановившись на мгновение, чтобы отвлечься от своих мыслей. Она подняла глаза к небесам и стала искать силы у Дурааны. Она прошептала небольшую молитву небу, но осталась в смятении, когда ее богиня ответила только густыми серыми облаками. Она поджала свои темно-красные губы и задумалась, когда же начнется дождь.

С каждым шагом, приближающим ее к цели, плечи и разум становились все тяжелее от предвкушения. Ей было трудно выпрямиться, и она снова остановилась, чтобы перевести дух. Она посмотрела на свои коричневые сапоги – это все, что было видно под плащом, кроме ее рук и губ-и попыталась сосчитать свое дыхание. Она закрыла глаза, вдохнула и сосчитала до четырех. Когда она выдохнула, то открыла глаза и увидела двух людей, выходящих из места ее назначения.

Мужчина и женщина, каждый Эльф, вышли из Канромского городского храма Сидро. Взявшись за руки, они спустились по бетонным ступеням и повернулись к ней. На их губах играла улыбка, а в глазах светилась любовь. Она молча смотрела из-под капюшона с отвращением и завистью. Интересно, благословила ли церковь их брак или они просто счастливы быть рядом друг с другом... этого она никогда не узнает.

Пока они шли, эльфийка положила голову на плечо своего спутника. Он, в свою очередь, обнял ее за талию и притянул к себе. Они прошли мимо, а она продолжала двигаться, не потрудившись обернуться и посмотреть, куда они идут.

Поднимаясь по бетонным ступеням, она обратила внимание на двери из темного дерева с золотой отделкой, через которые, как она помнила, много раз проходила много лет назад. Двери были высокими, достаточно высокими, чтобы даже Гейянин мог пройти через них с комфортом. Они были натерты воском и отполированы так хорошо, что она смутно видела в них свое отражение. Увидев свое отражение в дверях, она вздрогнула. Она знала, что Говианская Империя связывает ее с благочестием и властью из-за ее положения, но она начала уставать от этой связи.

Храм Сидро был одним из лучших сооружений во всем Канром-Сити. Таким образом, он был одним из лучших во всей стране Канром. Затененный только башней Дауида, которую поддерживали жители города, Храм тщательно охранялся Братством отрубленного языка, энергично набожным орденом монахов, которым добровольно вырывали языки, ибо они верили, что праздные слова ведут к величайшему из грехов.

Она протянула руку и провела пальцем с длинным ногтем по блестящей двери, оставив маленькую полоску на воощенном дереве. Интересно, сколько всего она оставила за этими дверями, сколько пота и крови ... она подумала о ребенке, которого они вынудили покинуть ее юное тело. Ее кулаки сжались, и она громко всхлипнула при этом воспоминании. Не раздумывая больше ни секунды, она потянула на себя дверь и вошла внутрь.

Мраморные стены были высокими и отделанными золотом; большая открытая комната освещалась только оранжевым светом свечей, горевших по краям. Шесть белых мраморных колонн, каждая со свечой, стояли ровно слева и справа от нее. Гравюры на них повествовали о Вознесении императора Сидро, сына богини дура-Аны.

Она перевела взгляд на одну из колонн, изображавших последнюю битву в войнах Мессии. Какое-то время она смотрела на него, а затем перевела взгляд на потолок, где в тусклом свете ей удалось разглядеть фреску, изображающую императора Сидро Спасителя, улыбающегося и широко распростершего руки в знак приветствия всем входящим. Она не видела картины уже много лет. Несмотря на близкие отношения с Его Императорским Высочеством Лазарем Сидро, сыном императора Сидро, она чувствовала отвращение к этому образу.

Прямо напротив нее, за последней парой из шести колонн, находилась богато украшенная гравировкой голубая дверь с золотой отделкой. Над ним золотыми буквами было выгравировано слово "святилище". По обе стороны двери молча стояли одетые в синюю рясу с капюшоном монахи отрезанного языка. Каждый из них держал в руках деревянный посох и никого не пропускал за дверь.

Женщина в капюшоне шагнула вперед, и стук каблучков ее кожаных сапог эхом разнесся по комнате. Направляясь к двери святилища, она мельком взглянула вниз на нескольких молящихся, которые склонились перед колоннами, сложив руки и опустив головы. Она тоже много раз оказывалась в таком положении, не исключая и того утра в своем номере. Она попыталась заставить себя найти утешение в своей вере, но, подойдя ближе к двери, почувствовала, как всепоглощающее беспокойство быстро нарастает в ней. Она боялась того заключения, к которому пришла.; что после стольких лет самоотверженной службы она ничего не знает.

Розововолосая Фэйри опустилась на колени перед одной из центральных колонн, и та, что была в капюшоне, ненадолго остановилась и прислушалась, прежде чем продолжить. Фея плакала, но изо всех сил старалась молчать, боясь, что это потревожит других верующих. Ее слова были прерывистыми и отчаянными. Они ужалили ту, что была в капюшоне, когда она умоляла богиню: "... пусть он будет в безопасности, мать! - умоляла она, качая головой и крепко сжимая

руки.

- Пожалуйста, верните моего ребенка домой..."

Тот, что был в капюшоне, вздохнул и обошел вокруг молящейся ярмарки. Ее молитву было больно слышать. Печаль, отчаяние испуганной матери. Перед ее мысленным взором возник образ ее юного "я", лежащего в окровавленном белом платье. Она увидела, как пот струится по ее лицу и сливается с лужей крови и мочи под ней.

Элисс, имя, которое она в конце концов дала мальчику, был обнаженным и замерзшим, когда он хватал ртом воздух своими разрушенными легкими. Он захлебнулся кровью своей молодой матери, а она лежала раненая и бессильная спасти или утешить его. Она увидела отца, Корроса, и снова почувствовала, как ее сердце разрывается, когда она увидела, как он жестоко уничтожил жизнь, которую они создали вместе, все во имя Дурааны, как он объяснил. Когда существование Элисс быстро и жестоко закончилось, Сарасин вспомнила, что потеряла сознание. Ее усыпляли крики ее ребенка.

Она резко дернулась и попыталась уйти от образа, который преследовал ее во сне и в сознании на протяжении стольких лет. Холодный пот выступил у нее на лбу, и она, стиснув зубы, продолжила путь к двери.

<http://tl.rulate.ru/book/43267/1035322>